

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ИСТИНЫ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

В поэзии Николай Рубцов, в прозе Василий Шукшин, в драматургии Александр Вампилов... — кажется, самую душу и самую надежду почти в единовременье потеряла с этими именами российская литература... И, кажется, сама совесть навсегда осталась с ними в литературе...

Народ наш на удивление чуток к таланту; едва ли где-нибудь еще, у другого какого народа, можно отыскать подобную чуткость. У нашего читателя (если говорить о литературе) она связана чуть ли не с личной надеждой; он относится к таланту не как к явлению, явившемуся и существующему независимо от него, — нет, он чаял его и ждал, он словно бы часть доли своей отдал для его рождения, и он дождался. Талант еще и не признан, он как художник только набирает силу, ничто вслух не отличает его покуда от неталанта, но читатель какими-то неведомыми токами и подводными течениями уже знает о нем и жадно ловит каждое его слово, отыскивая податливым, необыкновенно развитым к ней сердцем истину о себе самом и о своем времени, ту святую и нелукавую истину, без которой, как без труда, человек в здорovie и нравственности существовать не может.

И потеря таланта, гибель его воспринимается нашим читателем и зрителем как личная трагедия.

Мы забываем, к сожалению, что он, талант, вобрав в себя художественный дар многих и многих людей и наделенный, казалось бы, огромным сердцем добра и понимания, для собственной жизни имеет это сердце в одном экземпляре и обычных размерах — да и то с самого начала больное больше тех же многих и многих людей.

Сердце Александра Вампилова не выдержало всего в нескольких метрах от берега, к которому он плыл, после того как, натолкнувшись на скрытый под байкальской водой топляк, перевернулась лодка. Через день ему исполнилось бы 35 лет, он и поехал с товарищем в тот вечер 17 августа 1972 года, чтобы наловить ко дню рождения рыбы. Товарищ спасся, он — нет. Теперь, по прошествии этих лет, все больше и больше верится, что трагическая гибель его, случайная тем, что это произошло именно так и именно тогда, сама по себе не была случайной, и это трудный, с застарелой одышкой разговор: почему мы не ценим по достоинству талант, пока он с нами... и словно какая-то посторонняя сила, жестоким образом наводя высшую справедливость, наказывает нас... «Утиную охоту», этого «героя нашего времени» в лице Зилова, Вампилов, к счастью, успел написать. Не будем скромничать: Зилов — не просто герой, один из героев одной из вампиловских пьес, это тип, явление далеко не одинарное и небезопасное, и с «зиловщиной», пустившей глубокие социальные корни нам вперед еще более...

жет, самая большая заслуга Вампилова как драматурга в том и состоит, что он один из первых ее распознал и показал, и показал настолько ярко, с такой художественной силой, что мы только-только сейчас стыдливо решаемся посмотреть это на сцене. «Художник только потому и художник, что он видит предметы не так, как он хочет их видеть, а так, как они есть» (Л. Толстой). И что бы ни говорили критики о том, будто Зилов — человек отживший, по сути, мертвец, этому мертвецу, поверьте, суждено долгое здравствование.

О Вампилове теперь пишут много и охотно, критики, перебивая друг друга, спорят о его героях и говорят настолько разное, что появилось даже выражение «восторженное непонимание Вампилова». Непонимание это идет от предпосылок искусства, а не от предпосылок жизни, с которыми всякий раз начинал творить свое искусство Вампилов. Его герои вечерами выходят на сцену чуть ли не каждого большого театра страны, и его же герои, не всегда ведая, что это они и есть, смотрят на себя из зала и смеются... Впрочем, не только смеются, этого было бы слишком мало: Вампилов писал пьесы отнюдь не для того, чтобы зритель со спокойной душой отдыхал в театре, он и вообще не признавал искусства, создаваемого для отдохновения. Все, кто близко знал Александра Вампилова, помнят его слова по этому поводу, о том же он начал говорить, но, к сожалению, не успел сказать в оставшейся незаконченной пьесе «Несравненный Наконечников». Зритель, приходя в театр на Вампилова, невольно попадает под нелегкое нравственное испытание, своего рода исповедь — его, зрителя, исповедь, в которую он, один раньше, другой позже, так или иначе вовлекается еще во время спектакля и которая долго продолжается после спектакля, — в этом незаметная, но удивительная сила и тихая страсть его таланта. И когда говорят о «театре Вампилова», следует, очевидно, иметь в виду не только то, что предлагается зрителю, но и то, что случается с ним, сторону глубокого психологического воздействия его пьес, которую театральная условность словно бы даже еще и увеличивает, а не снижает. К тому же вампиловские пьесы, похоже, сами диктуют свою постановку и не допускают разночтений.

Вместе с Вампиловым в театр пришли искренность и доброта — чувства давние, как хлеб, и, как хлеб же, необходимые для нашего существования и для искусства. Нельзя сказать, что их не было до него — были, конечно, но не в той, очевидно, убедительности и близости к зрителю; до последнего предела раскрылась перед нами наивная и чистая душа Сарафанова в «Старшем сыне» и стоном застонала, уверяя старую истину: «Все люди — братья», которая в нашей повседневноности превращается почти в смешной парадокс. Вышла на сцену Валентина («Прошлым летом в Чулимске»), и невольно отступило перед ней все низкое и грязное — вышла не просто героиня, несущая в себе черты добродетели, вышла сама страдающая добродетель. Слабые, не защищенные и не умеющие защититься перед прозой жизни люди, но, посмотрите, какая стойкая, какая полная внутренняя убежденность у них в главных и святых законах человеческого существования. И в слезах, и в отчаянии не перестают они верить, как фанатики, в лучшую человеческую сущность, не замечая, как слепые, сущности худшей. Можно гадать, что будет с Валентиной дальше, там, за

границами пьесы, как сложится ее судьба в житейском смысле, но в том, что веры она не изменит и в добродетели своей не ослабнет и не сдастся, сомневаться нельзя. Эту уверенность Вампилов оставляет в нас без всяких оговорок.

Многие из нас, пожалуй, хотели бы очутиться на месте Шаманова, которого любит Валентина.

Казалось бы, да, и в рассказах, и в пьесах (и даже в газетных очерках — когда Вампилов работал в газете) старые, знакомые истины. Он не пытался выдумывать новые, их нет, он ставил лишь их в нынешние условия, и они начинали звучать по-новому. Вечные, как день и ночь, нетускнеющие, нестареющие темы искусства, которые никогда не перестанут волновать человечество, — жизнь и смерть, любовь и ненависть, счастье и горе, совесть и долг. Каждое новое время привносит в эти понятия свои отличительные признаки, они-то и метят время, но сами эти понятия при всей их сложности и хрупкости остаются неизменными. Любить одному человеку другому значило тысячу лет назад то же самое, что и теперь. Но как любить? Что несет в себе это первое и самое чувствительное чувство? Чем оно обогащает? Что заставляет терять? Насколько оно долговечно? Пока будет жив хоть один человек, он станет любить и ненавидеть по-своему, он будет бояться и желать смерти, как никто до него не боялся ее и не звал. Человеческие чувства неповторимы.

Истины старые, но вечные, не знающие во времени ни морального, ни физического износа. У Вампилова они имеют еще и ту важную особенность, что получают в каждом читателе и зрителе некое личное, собственное озарение. Как, каким образом удастся ему внушить каждому из нас, что это относится именно к нам (к нам — стало быть, ко мне), в первую очередь касается нас и обращено именно к нашим чувствам, остается загадкой, но прямое обращение, с одной стороны, и личный отзыв, личное соучастие, с другой, тут налицо. И не один из нас, выйдя из театра или прочитав пьесу, ловит себя на детском и наивном желании превратиться в того же, скажем, старшего сына Сарафанова, чтобы помочь этому доброму, до старости сохранившему светлую душу человеку в нашей сложной и донельзя запутанной жизни. Искусство может только мечтать о подобном его восприятии.

Кажется, главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь все то живое и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно стали различимы даже и противоположности — любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение... Тут нельзя опять не вспомнить Зилова, который, не имея сил сопротивляться, позволил, чтобы все первые названия перешли в нем во вторые...

Но, читая Вампилова, снова и снова с надеждой возвращаешься к старому убеждению Достоевского: «Мир спасет красота».